

✓ Քննարկվող ժամանակաշրջանում հայոց դիվանագիտության հնարավորությունները պարունակում էին նաև որոշակի մարտահրավերներ:

✓ Դասընթացի նպատակն է ուսանողներին մատուցել նոր շրջանի հայ դիվանագիտության առանձնահատկությունները, ամբողջացնել դիվանագիտության համակարգային հիշողությունը, ուսումնասիրել և վերլուծել պատմագիտական նյութը, ամրապնդել հայրենասիրությունը, ուսուցանել դիվանագիտական տեսական գիտելիքները գործնականում կիրառելու հմտություններ:

✓ Դասավանդման մեթոդներում պետք է համադրվեն դասընթացի մատուցման և՛ դասախոսակենտրոն, և՛ ուսանողակենտրոն մոտեցումները: Դասընթացի վերջնարդյունքում ուսանողը պետք է ձեռք բերի հետևյալ ունակությունները՝ գիտելիք, իմացություն, կիրառություն, վերլուծություն, սինթեզ (համադրում), գնահատում:

Օգտագործված գրականության ցանկ

1. Բայբուրդյան Վ., Օսմանյան կայսրության պատմություն, Երևան, 2011:
2. Բայբուրդյան Վ., Իրանի պատմություն, Երևան, 2005:
3. Բուդաղյան Ա., Գրիգորյան Ա., Արդյունահեն դասընթացների և կրթական ծրագրերի մշակում, դասախոսի ձեռնարկ, Երևան, 2017:
4. Լեո, Հայոց պատմություն, հ. 3-րդ, գիրք 2-րդ, Երևան, 1973:
5. Հայաստանը միջազգային դիվանագիտության և Սովետական արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերում (1828-1923), Ջ. Կիրակոսյանի խմբագրությամբ, Երևան, 1972:
6. Հայոց պատմություն, Հ. Սիմոնյանի խմբագրությամբ, Երևան, 2012:
7. Հասան Ջալալյան Ե., Պատմություն համառոտ Ադուանից երկրի, Ստեփանակերտ, 2007:
8. Մանուչարյան Հ., Դրվագներ հայ քաղաքական մտքի պատմության, Երևան, 2002:
9. Պողոսյան Ս., Հայաստանի ինքնավարության ծրագրերը. 1878թ., Երևան, 2018:
10. Սեբաստացի Ղ., Դավիթ Բեկ կամ պատմություն ղափանցոց, Երևան, 1992:

Получено: 26.09.2023

Received: 26.09.2023

Рассмотрено: 16.10.2023

Reviewed: 16.10.2023

Принято: 20.10.2023

Accepted: 20.10.2023

Journal "Education in the 21st Century", Vol1-10/2/, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non Commercial 4.0 International License

37.016:821.161.1 <https://orcid.org/0009-0000-4958-7840> DOI: 10.46991/educ-21st-century.v5.i2.188

SOCIOCULTURAL COMMENTARY IN TEACHING LITERATURE (ON THE MATERIAL OF "BELKIN'S NOVELS" BY A.S. PUSHKIN)

Adamyan Vera

PhD in Philology, Assistant

Yerevan State University, Armenia,

Vera.adamyan@ysu.am

Summary

The article is devoted to the concept of socio-cultural commentary and the problem of its importance and necessity when analyzing a fiction text and teaching literature. In particular, we address the theme of social inequality of characters, which is more fully revealed if we take into account the socio-cultural commentary with which we have accompanied some parts of the text. **The purpose** of our work is to show

the importance of socio-cultural commentary for any text in teaching foreign literature and to provide as complete a commentary as possible of "Tales of Belkin" by A.S. Pushkin.

The **relevance** of such work consists not only in addressing the problem of the importance of supplying socio-cultural commentary for a fiction text, which has been little studied in the literature, but also in the need for a more complete explanation of the texts of Alexander Pushkin's "Tales of Belkin". The choice of this particular cycle of the writer for such an analysis is conditioned by the fact that works from it are most often chosen as teaching material in the process of studying Russian language by Armenian students and schoolchildren. As a rule, they are also chosen for familiarization with Pushkin's prose works both in Armenian schools and in the process of studying them by foreign students abroad.

The **scientific novelty** of the work lies in the fact that the texts of the tales are equipped with socio-cultural comments, because the existing comments of an encyclopedic character are insufficient for an adequate understanding of the texts.

We have analyzed those parts of the text of "Tales of Belkin" that were clear to Pushkin's contemporaries, but have lost their significance for today's reader.

Conclusions: The most insignificant details for the modern reader can tell a lot about the characters', belonging to one or another social group, for example, the number of horses, harnessed to the characters' means of transportation, indicates their social status. We have demonstrated how important this detail is for the adequate perception of the text. Another indicator of the material condition of the characters are household items, clothes of the characters.

Important in the texts of the tales is the motif of "rubles and nickels", connected with the theme of money in the texts. The research was aimed at clarifying more clearly the material situation that was characteristic of this or that character.

Having analyzed the most "silent" for today's reader places in the tales, we came to the **conclusion** how important it is to have socio-cultural commentary on the work of fiction when teaching literature.

Keywords: socio-cultural commentary, "Tales of Belkin", Russian language, Russian literature, fiction text.

ՍՈՑԻՈՄՈՒԼՏԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՄԵԿՆԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ՂԱՍՏՎԱՆԴԵԼԻՍ (Ա. Ս. ՊՈՒՇԿԻՆԻ «ԲԵԼԿԻՆԻ ՎԻՊԱԿՆԵՐԻ» ՆՅՈՒԹԻ ՀԻՄՆԱՆ ՎՐԱ)

Ադամյան Վերա

բան. գիտ. թեկնածու, ասիստենտ,

Երևանի պետական համալսարան, Հայաստան,

Vera.adamyan@ysu.am

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է գեղարվեստական տեքստ վերլուծելիս և գրականություն դասավանդելիս սոցիոմշակութային մեկնաբանության կարևորության և անհրաժեշտության խնդրին: Մենք, մասնավորապես, անդրադառնում ենք ստեղծագործության մեջ կերպարների սոցիալական անհավասարության թեմային, որն ավելի լիարժեք է բացահայտվում սոցիոմշակութային մեկնաբանության շնորհիվ: Մեր աշխատանքի **նպատակն** է ցույց տալ սոցիոմշակութային մեկնաբանության կարևորությունը ցանկացած տեքստի համար արտասահմանյան գրականություն դասավանդելիս և հնարավորինս ամբողջական մեկնաբանել Ա. Ս. Պուշկինի «Բելկինի վիպակները»:

Նման աշխատանքի **արդիականությունը** պայմանավորված է խնդրի քիչ ուսումնասիրված լինելով, գրական տեքստը սոցիոմշակութային մեկնաբանությամբ ուղեկցելու անհրաժեշտությամբ, ինչպես նաև հատկապես Ա. Ս. Պուշկինի «Բելկինի վիպակների» տեքստերի ավելի ամբողջական մեկնաբանելու անհրաժեշտությամբ: Հենց այս ստեղծագործության ընտրությունը պայմանավորված է նրանով, որ ցիկլի վիպակները առավել հաճախ են ընտրվում որպես ուսումնական նյութ հայ ուսանողների և դպրոցականների կողմից ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման գործընթացում: Դրանք, որպես կանոն, վերլուծվում են նաև Պուշկինի արձակ ստեղծագործությունների ծանոթանալիս, ինչպես հայկական դպրոցներում, այնպես էլ արտերկրում:

Հետազոտության **գիտական նորությունը**: Պատմվածքների տեքստերն ուղեկցվել են սոցիոմշակութային մեկնաբանություններով, քանի որ առկա հանրագիտարանային մեկնաբանությունները բավարար չեն տեքստերի համարժեք ընկալման համար:

Մենք վերլուծել ենք «Բելկինի վիպակների» տեքստի այն հատվածները, որոնք հասկանալի էին Պուշկինի ժամանակակիցներին, բայց այսօրվա ընթերցողի համար կորցրել են իրենց իմաստը:

Եզրակացություններ: Ժամանակակից ընթերցողի համար ամենաանշան դետալները կարող են շատ բան բացահայտել հերոսների՝ որոշակի սոցիալական խմբի պատկանելության մասին, օրինակ՝ կերպարների տրանսպորտային միջոցներին ամրացված ձիերի թիվը ցույց է տալիս նրանց սոցիալական կարգավիճակը: Մենք օրինակներով ցույց ենք տվել, թե որքան կարևոր է այս դետալը տեքստի համարժեք ընկալման համար: Հերոսների ֆինանսական վիճակի մեկ այլ ցուցանիշ է կենցաղային իրերն ու հերոսների հագուստը:

Վիպակների տեքստերում կարևոր է «ռուբլիների և կոպեկների» մոտիվը: Ուսումնասիրությունը նպատակ ունի ավելի հստակորեն պարզաբանելու այս կամ այն կերպարին բնորոշ ֆինանսական վիճակը:

Ժամանակակից ընթերցողի համար պատմվածքների «ամենալուռ» հատվածները վերլուծելով՝ եկանք այն **եզրակացության**, որ գրականություն դասավանդելիս գեղարվեստական տեքստը անպայմանորեն պետք է ուղեկցվի սոցիոմշակութային մեկնաբանություններով:

Բանալի բաներ՝ սոցիոմշակութային մեկնաբանություն, «Բելկինի վիպակները», ռուսաց լեզու, ռուս գրականություն, գեղարվեստական տեքստ:

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА)

Адамян Вера

*Кандидат филологических наук, ассистент,
Ереванский государственный университет, Армения,
Vera.adamyan@ysu.am*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблемы важности и необходимости применения социокультурного комментария при анализе художественного текста на занятиях по литературе на профильных факультетах. В частности, мы обращаемся к теме социального неравенства персонажей, которая полнее раскрывается, если использовать социокультурный комментарий, которым мы сопроводили отдельные части текста.

Цель нашей работы – показать важность социокультурного комментария для любого текста при изучении иностранной литературы на примере «Повестей Белкина» А.С. Пушкина.

Актуальность работы состоит не только в обращении к малоизученной в литературе проблеме важности сопровождения социокультурным комментарием художественного текста, но и в необходимости более полного пояснения текста именно «Повестей Белкина» А.С. Пушкина. Выбор именно этого цикла писателя для подобного анализа обусловлен тем, что эти произведения наиболее часто выбираются в качестве учебного материала в процессе обучения русскому языку армянских студентов и школьников. На них же, как правило, останавливаются и при ознакомлении с прозаическим творчеством Пушкина, как в армянских школах, так и в процессе изучения наследия великого писателя иностранными студентами за рубежом.

Научная новизна работы заключается в том, чтобы снабдить текст «Повестей Белкина» именно социокультурными комментариями, ведь существующие комментарии энциклопедического характера недостаточны для верного и полноценного восприятия текста.

Нами также проанализированы те части текста «Повестей Белкина», которые были понятны современникам Пушкина, но для сегодняшнего читателя утратили свое значение.

Проанализировав тексты повестей, мы пришли к **выводу**, что самые незначительные для современного читателя детали могут многое сообщить о принадлежности персонажей к той или иной социальной группе, к примеру, количество лошадей, запрягаемых в экипаж персонажа, указывает на его социальное положение. На примерах из текста мы продемонстрировали, насколько эта деталь является важной для адекватного восприятия текста. Еще одним показателем материального состояния персонажей являются предметы их быта, гардероба.

Важным в тексте повестей является мотив «рублей и пятачков», связанный с темой денег в повестях. Наше исследование было направлено на то, чтобы четче прояснить обучающемуся то материальное положение, которое было характерно для того или иного персонажа.

Проанализировав самые «молчаливые» для сегодняшнего читателя фрагменты повестей, мы пришли к **выводу**, что при изучении литературы необходимо проводить социокультурный комментарий к художественному тексту.

Ключевые слова: *социокультурный комментарий, «Повести Белкина», русский язык, русская литература, художественный текст.*

Чтение классической литературы на языке оригинала представляет собой своеобразную коммуникацию с культурой, бытом и жизнью этой страны в период, когда это произведение было написано. Даже для носителя языка произведения классической литературы на родном языке могут нести в себе значительное количество непонятных понятий, реалий в тексте, т.к. они удалены от нас во времени. В этом аспекте трудно переоценить роль социокультурного комментария при изучении классической литературы обучающимися в вузе, от которой нас отделяют столетия, а особенно при изучении иностранной литературе.

В настоящей статье мы обращаемся к этой проблеме и показываем, что социокультурный комментарий к произведениям русской литературы является важнейшей составляющей, т.к. даже при переводе многие слова, понятия и реалии нуждаются в пояснении. В частности, мы рассматриваем «Повести Белкина» А.С. Пушкина.

Целью нашей работы является показать роль социокультурного комментария для любого текста при изучении литературы и сопроводить как можно более полным комментарием «Повести Белкина» А.С. Пушкина. Проблема важности снабжения социокультурным комментарием художественного текста при обучении литературе является малоизученной. На наш взгляд, в более полном пояснении нуждаются именно «Повести Белкина» А.С. Пушкина, т.к. произведения из этого цикла наиболее часто выбираются в качестве учебного материала в процессе обучения русскому языку армянских студентов и школьников. На них же, как правило, останавливаются и при ознакомлении с прозаическим творчеством Пушкина, как в армянских школах, так и в процессе изучения наследия великого писателя иностранными студентами за рубежом. В рамках сказанного вырисовывается **актуальность** настоящей работы.

Научная новизна исследования заключается в том, что мы снабдили тексты повестей именно социокультурными комментариями, ведь существующие комментарии энциклопедического характера недостаточны для адекватного восприятия текстов.

Выбор именно «Повестей Белкина» для изучения данной проблемы обусловлен их лаконичностью, занимательными сюжетами, и благодаря глубокому содержанию одновременно они обладают доступностью для понимания даже для детей. Как верно заметил С.Г. Бочаров, «Повести Белкина» «доступны “двойному зрению”, одновременно схватывающему их цельную простоту и их сложный состав» [5, с. 156]. Помимо С.Г. Бочарова, исследованием текстов занимались Б. Эйхенбаум, В.В. Гиппиус, А. Лежнев, Ю. Лотман. Комментарии последнего в большей степени близки к социокультурным.

Чем понятнее будут отдельные детали текста, тем правильнее он будет прочитываться. Одновременно комментарий может служить в качестве ознакомительного материала с реалиями быта, истории и культуры России начала XIX в. Именно поэтому подобный комментарий получил название социокультурного. В нашей работе мы попытаемся охватить те детали текста, которые ранее оставались за пределами внимания комментаторов, а также проанализировать некоторые комментарии с точки зрения их функциональности для лучшего понимания текста.

По замечанию С.Г. Тер-Минасовой, «комментарий к классическому литературному произведению, по определению удаленному от современности, выполняет роль моста над пропастью, разделяющей “наше” и “то” время, или очков, которые помогут сегодняшнему читателю разглядеть детали минувших эпох» [10, с. 89]. По ее мнению, социокультурный комментарий остро необходим как иностранному читателю при изучении русского языка, так и современному русскому читателю. Важно то, что комментарий не только отражает восприятие писателя читателем, но и формирует его» [10, с. 89]. Исследователь выделяет два подхода к комментированию художественных текстов: энциклопедический и творческий. Рассмотрим оба подхода по отдельности, приводя примеры из исследуемых нами произведений (те примеры, которые не были рассмотрены). При первом, энциклопеди-

ческом подходе приводятся лишь популярно-энциклопедические сведения об упомянутых реальных фактах, явлениях и лицах. При этом комментатор не указывает на связь этих сведений с текстом художественного произведения. Он лишь дает точную информацию, оставляя поиски связей между текстом и комментарием читателю. В этом случае данные имеют объективный характер и не вносят контекстуально-эмоциональную окрашенность. Например, в английском переводе «Повестей Белкина» цитата из сатиры А.А. Шаховского переводится буквально и дается следующее объяснение: “a line is from the satire “Moliere! The gift that can compare with nothing in the world,” by the Russian dramatist A. Shakhovskoy” (что означает: цитата из сатиры русского драматурга А. Шаховского «Мольер! Твой дар, ни с чем на свете не сравненный»). Как видим, даются чисто энциклопедические данные, связь с произведением не устанавливается. Большинство комментариев, проанализированных нами как в изданиях на русском языке, так и в изданиях повестей на иностранных языках, носят энциклопедический характер. Посмотрим, в чем заключается исследовательский или творческий подход. При этом подходе комментарий имеет общефилологический и социокультурный характер и, наряду с конкретной информацией, которая выдвигается на второй план, содержит дополнительные сведения, с одной стороны, раскрывающие специфические национальные, политические, культурно-бытовые или иные коннотации, а с другой – устанавливающие связь между данным фактом, лицом, названием и т.п. и самим произведением, его персонажами и автором, уделяя им основное внимание [10, с. 97]. Как видим, исследовательский комментарий реалий, помимо того, что включает в себя конкретные данные энциклопедического характера, должен иметь лингвострановедческий и контекстуально-ориентированный характер, т.е. должен раскрывать национальные особенности восприятия внеязыкового фактора и указывать на ту роль, которую этот внеязыковой фактор играет в данном художественном произведении.

Те же идеи развивает и К.А. Баршт. Называя творческий, или исследовательский комментарий читательским, или авторским, он предлагает свой подход к ним, зачастую повторяющий С.Г. Тер-Минасову: «Читательский (“авторский”) комментарий имеет иную задачу – предоставить читателю техническую поддержку, став для него поводом и экскурсоводом по художественному миру писателя, указывая ему на те смыслы, до которых он не в состоянии догадаться и без которых понимание текста оказывается затруднительно или невозможно» [1, с. 286].

Как уже было отмечено, комментарий требуется как к произведениям иностранной литературы, так и к родным произведениям, которые удалены от читателя во времени, поскольку иногда даже из-за изменившегося смыслового оттенка слова текст может быть понят читателем неадекватно. К примеру, в повести «Выстрел» трактир, в котором обедают офицеры, Пушкин называет «жидовским», тем самым, независимо от себя создавая неправильное впечатление у современного читателя, незнакомого с данным употреблением данного слова в пушкинский период. Современный читатель уже может не знать, что название евреев таким образом до середины XIX в. имело нейтральный характер, и только к концу XIX в. обретает бранный характер [2: с. 206]. Это значит, что Пушкин не имел намерения оскорбить евреев, так что читатель не должен видеть в этих словах личную неприязнь Пушкина к евреям. Или же слово «девушка», которое сейчас может употребляться по отношению к любой молодой представительнице женского пола, раньше было распространенным названием горничной, прислуги.

«Повести Белкина» объединяет разнообразие тем, затрагиваемых во всех или же в большинстве из них.

Одной из тем, проходящей фактически через все повести, является тема социального неравенства людей, различной социальной принадлежности героев, а также различия их материального положения¹.

¹ Для более детального и общего анализа см. статью *Адамян В.А.* «Повести Белкина» А.С. Пушкина: Еще одна попытка социокультурного комментария// Декабрьские литературные чтения. Сб. статей. Ереван, изд.-во ЕГУ, 2014. – С. 5-14. В этой статье автор, в частности, обращается к национальным и социальным обусловленным

192

В своих повестях Пушкин выводит представителей самых разных социальных сфер и профессий, рисует все стороны их жизненного содержания, изображая их такими, какими он их находил в действительности. Пушкин обращается к представителям таких социальных слоев, как армейское офицерство («Выстрел»), поместное дворянство средней руки («Метель» и «Барышня-крестянка»), *«мученик четырнадцатого класса»* («Станционный смотритель») или же мелкие московские ремесленники («Гробовщик»). Стоит вспомнить и о самом Белкине, отец которого был секунд-майором (VIII класс в Табели о рангах) и *«был человек не богатый»*. Студент, изучающий русскую литературу, без соответствующего комментария не поймет, кто такие эти люди.

В повестях, где фигурируют герои самых разных социальных слоев, с необыкновенной точностью описаны быт, нравы, уклад жизни как представителей привилегированного класса, руководствующихся исключительно своей выгодой, так и лишенного собственности рабочего люда, вынужденного смириться с положением, выпавшим на его долю. В.Е. Хализев и С.В. Шешунова отмечают: «Нет такого сословия и состояния, которое не играло бы в “Повестях Белкина” своей роли – хотя бы маленькой, как священник в “Метели” или купчиха Трюхина с ее племянником в “Гробовщике”» [12, с. 8].

Начиная с XVIII в., вплоть до XX в. в России большое значение придавалось занимаемой человеком должности. Не на пустом месте возникло ироническое замечание Антона Павловича Чехова: «Настоящий мужчина состоит из мужа и чина». Начиная с 1722 г. в России в «употребление вошла» «Табель о рангах» по трем видам чинов – военные, гражданские и придворные. Гражданские и военные чины разделялись на 14 классов, самым низким был четырнадцатый, высшим – первый. <...> Чиновная карьера привлекала определенной степенью независимости и обеспечения личного достоинства (чин, даже малый, в частности, избавлял от телесного наказания), возможностью для малоимущих дослужиться «до степеней известных», материальными благами, перспективой служебной карьеры и приобщения (для разночинцев) к привилегированному сословию дворян» [11, с.90]. Люди, обладающие чином, были личностями неприкосновенными. Чины были важны настолько, что даже самый последний – XIV класс, давал некоторые преимущества. В качестве примера исследователь приводит рассказ А.А. Бестужева-Марлинского «Будочник-оратор», в котором пойманный квартальным офицером пьяный человек говорит, что он XIV класса, а значит личность неприкосновенная. *«Квартальный офицер: Разглядишь поутру. В сибирку его! / Пьяный: В сибирку-с? Не извольте обижать-с; я сам четырнадцатого класса»*. В «Повестях Белкина» можно встретить значительное количество упоминания чинов. Для читателей-современников Пушкина не составляло труда ориентироваться в них, но для современного читателя это составляет проблему. Поэтому некоторые из них мы будем разъяснять по ходу.

Несмотря на то, что некоторые исследователи утверждают, что конфликт в повестях имеет более глубокую, нежели социальную окрашенность, понятно, что социальные различия составляют одну из их основ. Сильвио в «Выстреле» уступает свое, казалось бы, прочное место в обществе молодому человеку «богатой и знатной фамилии». «Бедный прапорщик» Владимир и считавшаяся «богатой невестой» Марья Гавриловна, уверенные, что родители будут против их брака, решают венчаться тайно. Совместная супружеская жизнь сына богатого помещика Ивана Петровича Берестова и мнимой дочери кузнеца Василия кажется утопией, невероятной и неосуществимой мечтой, в то время как брак детей Берестова и Муромского имеет выгодный расчет с обеих сторон: *«Муромский нередко думал о том, что по смерти Ивана Петровича все его имение перейдет в руки Алексею Ивановичу; что в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии, и что нет ему никакой причины не жениться на Лизе»* [9, с.106]. Своя выгода была и у Берестова: *«Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному; граф мог быть очень полезен Алексею»* [там

же]. Станционный смотритель Самсон Вырин отказывается верить в возможность счастья своей дочери, соблазненной гусаром, так как, между его миром и миром Минского – огромнейшая пропасть.

С первых же страниц повестей Пушкин обращает внимание читателя на эти различия, и важность их не утрачивается на протяжении всего цикла. При этом автор прибегает к двум способам указания на социальную принадлежность или материальное положение героя. Он либо прямо указывает на то, беден или богат, знатен или нет персонаж, либо делает это с помощью деталей, указывающих на эти различия. Рассмотрим оба способа.

Приведем сначала примеры открытого указания автора на социальное и материальное положение героев. Например, в повести «Выстрел», когда речь идет о Сильвио, неоднократно появляется слово ‘бедный’: *«поселиться в бедном местечке», «жил он вместе бедно и расточительно», «богатое собрание пистолетов было единственной роскошью бедной мазанки, где он жил»* [9, с. 47-48]. Обратное наблюдается, когда в той же повести речь идет о графе. В этом случае постоянно употребляется слово ‘богатый’: *«молодой человек богатой и знатной фамилии», «богатое поместье», «приезд богатого соседа»* [9, с. 52]. В «Метели» о Марье Гавриловне говорится, что она *«считалась богатой невестой»* [9, с. 59], а для характеристики возлюбленного Марьи Гавриловны из «Метели» рассказчик снова использует прилагательное «бедный» (*«был бедный армейский прапорщик»*) [9, с. 52]. Кстати, «прапорщик» тоже указывает на положение последнего. Это младший обер-офицерский чин XIV класса Табели о рангах, а XIV класс, как было отмечено выше, был самым низким. Об отношении к прапорщикам говорит поговорка, сложившаяся в офицерской среде XIX в.: «Курица не птица, прапорщик не офицер» [2, с. 527]. В «Барышне-крестьянке» говорится о том, что после смерти Берестова, его сын *«будет один из самых богатых помещиков той губернии»* [9, с.106]. Это значит, что отец достаточно богат. Для студентов, изучающих русскую литературу, в этом случае не представляет трудности понять прямое указание на материальное состояние персонажа. Но у Пушкина чаще встречается второй способ – указание на место человека в социальной иерархии через отдельные детали-подсказки, на первый взгляд кажущиеся незначительными, потому что они утратили свое значение для современного читателя и уж тем более для иностранцев, изучающих русскую литературу. Однако они являются очень важными для глубокого понимания текста, и их разъяснение обогащает наше восприятие произведения.

Мы рассмотрим все повести и попробуем предложить социокультурные комментарии для отдельных фрагментов текста, связанных с положением тех или иных персонажей на социальной лестнице.

В первую очередь, обратим внимание на средства передвижения главных героев, так как упоминание о них особенно часто встречается в текстах повестей. Количество запряженных в экипаж лошадей было критерием состоятельности хозяина, указывало на его место в обществе. Даже для собственных экипажей количество лошадей строго регулировалось в зависимости от чина и сословия владельца: *«Вид повозки, количество впряженных лошадей, способ путешествия (на своих или на почтовых), скорость движения – все это не только исторически точно и осмысленно, но и глубоко продумано и обосновано»* [11, с. 196]. Рассмотрим, как передвигались наши герои.

Герой в повести «Выстрел» *«ходил вечно пешком в изношенном черном сертуке»* [9, с.47]. Это указывает на бедность главного героя, хотя последний *«держал открытый стол для всех офицеров»* и *«шампанское лилось рекою»* у него в доме. Последнее означает, что герой, хотя довольно беден, но, тем не менее, расточителен, о чем открыто говорится и в тексте: *«жил он вместе бедно и расточительно»* [там же].

Гробовщик Адриан Прохоров *«пешком отправился на новоселье»*, после того, как «последние пожитки» его были *«взвалены на похоронные дроги»* [9, с. 71]. Он пошел пешком, потому что «похоронные дроги» были его единственным транспортом. К тому же в повести сказано, что лошади его были «тощей парой». Здесь мы имеем дело не только с малым количеством лошадей (пара), но она еще охарактеризована как «тощая». Интересно, что даже в своем сне гробовщик после того, как устроил похороны купчихи Трюхиной, 194

«пошел домой пешком». Это свидетельствует о том, что социальное неравенство и вытекающие из него последствия глубоко укоренились не только в сознании, но и подсознании людей.

«Бедный мученик четырнадцатого класса» Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» *«пешиком отправился за своею дочерью»*, в то время как у соблазнившего его дочь Минского были свои собственные дрожки, более того «щегольские». Этим приемом Пушкин хотел подчеркнуть резкий контраст между миром смотрителя и большим миром, в который стремилась попасть Дуня, достигшая-таки своего. Об этом говорит ее «каре́та в шесть лошадей», в которой она приезжает в родные места уже после смерти смотрителя. Пушкин говорит о состоятельности своей героини одной единственной деталью, которую легко можно упустить, если не знать о традициях того времени. Шестеркой в дореформенное время разрешалось ездить только дворянам. В этом плане весьма показательным является пример обыденного, незначашего на первый взгляд разговора купчихи Большой и ее мужа в комедии Островского «Свои люди – сочтемся!», который приводит в своей книге Ю. Федосюк и за которым, по его словам, скрываются «существенные исторические реалии». Она говорит о своей дочери, мечтающей выйти замуж за дворянина: *«Только бы ей в карете ехать шестеркой»*. На что муж ее замечает: *«Поедет и парочкой – не велика помещица!»* [11: 199]. То, что для купчихи и ее дочери было лишь мечтой, для Дуни стало осуществленной реальностью. Кстати, диалог пятилетнего мальчика и рассказчика в повести еще одно наглядное доказательство того, что в то время занимаемое человеком положение в обществе было одной из важнейших характеристик личности. На вопрос «какая барыня?», мальчик говорит: *«Прекрасная барыня», «ехала она в карете в шесть лошадей»* [9, с. 89]. Это первое, что он про нее говорит.

Этим же объясняется поведение «дрожащего смотрителя», который отдает генералу *«две последние тройки, в том числе курьерскую»*. Генералу положено шесть лошадей. Ему отдают даже курьерских лошадей, предназначенных для особо важных лиц: правительственных курьеров-фельдгегерей и др. По этой же причине предложение *«курьеры, фельдгегеря с нею по полчасу заговаривались»* подается Пушкиным как нечто особенное, так как они не должны были задерживаться в пути: *«Только фельдгегеря обязаны были ехать “столь поспешно, сколько сие будет возможно”, и иногда проделывали в день 200 верст»* [11, с. 199]. А тут из-за генерала смотритель фактически оставляет их без транспортного средства.

В «коляске домашней работы, запряженной шестью лошадьми» ездит и старший Берестов из «Барышни-крестьянки». Кроме того, у него есть и собственные дрожки, которые обычно предназначались, как отмечает Федосюк, «для езды на короткие расстояния» [11, с. 204].

Транспортным средством Владимира из «Метели» была тройка, и это лишний раз говорит о том, что занимаемое Владимиром положение в обществе было низким, так как, если количество запряженных лошадей достигало трех, это означало, что «хозяин» был либо неслужащим, либо чиновником низшего ранга. Заметим, что тройка для него была лучшим вариантом, поскольку она была предусмотрена для Марьи, а для себя Владимир велел приготовить *«маленькие сани в одну лошадь»*.

В пушкинское время существовал неписанный закон, согласно которому на почтовой станции для неслужащих и чиновников низшего ранга количество почтовых лошадей должно было быть до 3, до 20 – для особ I класса Табели о рангах [11, с.198]. В повести «Станционный смотритель» рассказчик, будучи «в мелком чине», «платил прогоны за две лошади», и «вследствии сего смотрители», находясь с ним наравне, «не церемонились». Самсон Вырин отдал его «тройку под коляску чиновного барина» [9, с.80]. Реакция рассказчика была следующей: *«Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеприятного правила: чин чина*

почитай, ввелось в употребление другое, например: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать?» [9, с. 80]. Последнее замечание является еще одним, непонятным современному читателю неписанным законом. Однако на первый взгляд странное предложение имеет вполне обоснованную мотивировку. Дело в том, что «слуги носили блюда по чинам» и «горе тому, кто подал бы титулярному советнику прежде асессора или поручику прежде капитана. Иногда лакей не знал в точности чина какого-нибудь посетителя, устремлял на своего барина встревоженный взор: и одного взгляда было достаточно, чтобы наставить его на путь истинный», – пишет Е. Лаврентьева в своей книге «Культура застолья XIX века» слова одного из современников Пушкина [6, с. 23].

В приведенных примерах мы видим, что очень часто установленные обществом правила гораздо строже правил, установленных законом, и надо было строго следовать этим неписанным правилам.

Во всех пяти повестях остро чувствуется социальное неравенство, глубоко укоренившееся в сознании людей того времени. Их действия и поступки оказываются зачастую мотивированы личными выгодами, стремлением поправить свое материальное положение или обезопасить себя от возможных неприятностей, связанных с тем, что им не суждено было родиться знатными и богатыми. И некоторые из них также нуждаются в пояснении. К примеру, Адриан Прохоров в гостях у сапожника Шульца спешит наладить контакт с будочником Юрко. Профессия «будочника» не знакома современному читателю, намерения Адриана могут быть непонятны, однако Адриан «действительно имел на это основания», т.к. будочники были рядовые постовые полицейские [11, с.175], так что, действительно, *«рано или поздно может случиться иметь нужду»* в нем, особенно людям с незначительным положением.

То, что Минский поселился в Демутовом трактире, тоже не случайно. В свое время «Демутов трактир» пользовался большой популярностью, и в нем останавливались обыкновенно состоятельные люди. Это лишний раз говорит о его высоком материальном положении. По Берковскому, Демутов трактир служит показателем того, что у Минского не было официальных отношений с Дуней: «Сам Минский, как это уже известно, занимает комнаты в Демутовом трактире. Следовательно, официальных отношений с Дуней нет, все для Дуни держится на честном слове Минского и на его любви» [4, с. 332].

Указывают на материальное положение и предметы быта, окружающая героев «среда». Муромский держал в доме ливрейных лакеев. *«У богатых дворян и в городах служили ливрейные лакеи, одетые в особую форменную одежду с шитьем и галунами»* [11, с. 151]. Как мы знаем, у Муромского финансовые дела шли не очень хорошо. Он разорился. *«Промотав в Москве большую часть имения своего», «уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развел он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе»* [9, с. 91]. Заметим, что Муромский за то, что «*мадам мисс Жаксон*» «*два раза в год перечитывала Памелу*» давал ей две тысячи рублей, на фоне того, что в то время «*оклад канцелярского служителя министерства не превышал 200 рублей в год*» [8]. По совершенно справедливому замечанию Берестова, Муромский разорился «по-английски».

Дела свои он пытался поправить, идя на крайние меры: «он и в деревне находил способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым» [9, с. 91-92]. Пушкин пишет об этом с некоторой иронией, так как подобные действия еще больше втягивали героя в долги, ибо «опекунский совет – орган управления воспитательными домами и кредитными установлениями при них. Опекунский совет выдавал деньги под залог имений и осуществлял другие кредитования» [2, с. 437]. «Хотя эти дома и назывались императорскими, то есть находящимися под покровительством государства, казна им денег не отпускала. Главным источником доходов воспитательных домов были ссудные операции» [11, с. 157].

Это еще раз говорит о том, что действия Муромского были не самыми перспективными. Поэтому понятно, что ливрейные лакеи в доме Муромского – это лишь остаток былой роскоши. Может быть, Пушкин этим примером хотел подчеркнуть преходящий характер богатства.

А вот Берестов был действительно богат. Он *«выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы»* [9, с.91] и к нему приезжали погостить соседи, причем *“с своими семействами и собаками”* (если Берестов был в состоянии кормить и поить их всех, понятно, что он был довольно состоятельным человеком). Видно это не только в открытых высказываниях, но и в отдельных, казалось бы, незначительных деталях. *«В будни ходил он в плисовой куртке»*. Деталь, не замечаемая современными читателями, но существенная. Богатые носили вещи из плиса дома, а для менее состоятельных людей одежда из плиса была праздничной¹. Берестов носил плисовую куртку в будни, а это еще одно свидетельство его состоятельности.

К рассматриваемой нами в данной главе теме примыкает мотив «рублей и пятачков». Многообразно варьируясь, он проходит через всего «Станционного смотрителя». Это и понятно, так как именно эта повесть из всего цикла поднимает вопрос о «маленьком человеке» и именно в ней в большей степени «частная жизнь определяется правовым, имущественным положением» [3, с. 142]. Среди ее героев и титулярный советник (повествователь), и сам смотритель (*«суший мученик четырнадцатого класса»*), лекарь, который за 25 рублей ставит фальшивый диагноз Минскому, *«опасаясь его нагайки»*, военный лакей, чистящий *«сапог на колодке»*, пивоварова жена и ее сын пятилетний Ванька – *«оборванный мальчик, рыжий и кривой»*, который постоянно говорит о пятаке серебром, данном ему «прекрасной барыней», намекая рассказчику на то, что он мог бы поступить таким же образом. И наконец, ротмистр Минский, который противостоит всем перечисленным героям и который смотрит свысока на них. Мало того, что Минский «похитил» Дуню, не обращая внимания на отцовские чувства и переживания смотрителя, он еще и проявляет к нему неуважение. Об этом свидетельствует не только то, что он решил заплатить смотрителю за Дуню, но и следующая деталь: *«Минский вышел сам к нему в халате»* [9, с.86]. Современному читателю могут ничего не говорить эти строки. На самом деле рассказчик этим предложением в дополнительный раз демонстрирует неуважительное отношение Минского к человеку, стоящему ниже его на социальной лестнице, потому что в Пушкинское время «выходить в халате “на люди” считалось признаком пренебрежения» [11, с.178] На первый взгляд незначительная деталь оказывается значимой, если не утрачен ее смысл.

Посмотрим, как именно фигурирует в повести мотив «рублей и пятачков». Итак, Минский платил 25 рублей за визит лекарю, а точнее эта была взятка за фальшивый диагноз. Далее, щедро награждает смотрителя «за постой и угощение» и уже после «похищения» Дуни «несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций» сует за обшлаг оскорбленному смотрителю. Семь рублей тратит рассказчик на поездку к смотрителевой могиле. «Пятак серебром» дала «прекрасная барыня» мальчику Ваньке, и «пятачок» перепал ему от рассказчика. Как отмечает Берковский, «рубли и пятачки в этой повести – всеобщая необходимость, обрамление жизни всех и каждого. Пятачки и рубли – барьеры, между которыми и движутся люди» [4, с. 340]. Но цифры, назначение, значение одной и той же цифры для разных персонажей чрезвычайно индивидуальны: «Большие цифры Минского – это и его богатство, это и оплата сомнительных поступков, на которые его толкают богатство и положение. Минский щедрый, потому что постоянно он должен задаривать и задабривать людей, из которых одни – соучастники его неблагоприятных деяний, другие – жертвы их» [там же].

Как уже было сказано, рассказчик тратит семь рублей. Деньги по тем временам немаленькие. Действие повести происходит в 10-е годы XIX века, а «С начала XIX века в связи с падением курса бумажных денег, которыми выплачивали жалованье и пенсии,

¹ <https://rusские-kostumy.livejournal.com/21119.html>

материальное положение чиновников стало ухудшаться. В 1768-1786 годы ассигнационный рубль практически равнялся серебряному, в 1795-1807 годы он колебался в пределах 65-80 копеек, а в 1811 году не достигал и 26 копеек серебром. В результате чиновники получали только четвертую часть суммы, предусмотренной штатами 1763 года. Годового жалованья в 120 рублей едва хватало на одежду и обувь; мундир для большинства гражданских служащих был роскошью. <...> оклад канцелярского служителя министерства не превышал 200 рублей в год» [8]. Потому рассказчик постоянно помнит о сумме, которую он потратил, решив посетить станцию, где жил смотритель: *«Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром»; «И я дал мальчишке пятачок, и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных»*. Он вспоминает о них дважды, в отличие, скажем, от Минского, который из одной лишь прихоти потратил на лекаря почти в 4 раза больше, и, наверняка, ни разу потом не вспомнил об этом.

«Чем ниже по социальной лестнице, тем дороже деньги и тем человечнее их значение. Рассказчик платит немалые для него семь рублей с благородной, бескорыстной целью, ради интересов дружбы. Пятачки, полученные мальчишкой, – веселые пятачки и самые богатые, на взгляд мальчишки они могут все купить» [4, с. 341]. «Пятак серебром», который дала Дуня мальчику – это на самом деле не 5, а 20 копеек. Дело в том, что «из-за чрезмерного выпуска ассигнаций, не обеспеченных серебром, началось падение курса: медные и бумажные деньги ходили в одной цене, а серебряные ценились выше. Соотношение постоянно колебалось: в расчетах и сделках приходилось приравнивать один серебряный рубль к четырем ассигнационным» [11, с. 56]. Потому «пятак серебром» – для мальчика целое состояние, и он тоже дважды упоминает о том, что получил его от барыни. Как мы знаем, Дуня могла себе это позволить. А вот «пятачок», который дал мальчику рассказчик, скорее всего, был обыкновенным, а не серебряным пятаком.

Хотя Берковский мотив «рублей и пяточков» связывает только с повестью «Станционный смотритель», нетрудно заметить, что этот мотив проходит по всем повестям, являясь еще одним способом указания на материальное положение героев.

Уже упоминалось о том, что Сильвио жил бедно и расточительно одновременно. К его расточительности можно отнести и ставку в полсотни червонцев во время игры в карты. По Ю. Федосюку, *червонцем* называлась трехрублевая золотая монета. При этом сумма получается примерно в 150 рублей, что является довольно большой ставкой, если сопоставить с жалованием чиновников или, например, с платой за комнату в Петербурге в первой половине XIX века: «убогая комната с мебелью, отоплением, самоваром и прислугой стоила в столице пять рублей в месяц» [8]. Однако по другим источникам при Павле I была ненадолго восстановлена чеканка золотых монет без номинала, с массой и пробой, обычной для червонца, однако от них быстро отказались, наладив выпуск 5- и 10-рублевых монет с высокой 986-й пробой, которая впоследствии была снижена до 917-й. В народе с этого времени червонцами начали называть все золотые монеты номиналом 5 и 10 рублей, чеканившиеся в императорской России. В таком случае получается еще больше, чем было подсчитано ранее.

Что касается Муромского из «Барышни-крестьянки», то он платит 2 тыс. рублей мадам Жаксон, что тоже является расточительством с его стороны, если учесть его реальное положение дел. Вспомним замечание Берестова относительно Муромского: *«...у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты»* [9, с.92]. В той же повести служанка Лизы Настя платит за лапти, точнее награждает полтиной. Полтина равнялась 50 копейкам [11, с. 54] и была для кого-то щедрым вознаграждением.

Приказчику, сообщившему о смерти купчихи Трюхиной, гробовщик дает *«гривенник на водку»*. Современный читатель, не знающий, чему равен один гривенник, может принять это за благородный жест со стороны гробовщика, награждающего приказчика за оказанную ему услугу. Выясним, достаточно ли этого было на водку. В старом просторечии гривна и грива равнялись 10 копейкам. Ю. Федосюк, объясняя существовавшие в то время два курса валют, дает попутно полезную для нас информацию – цену на водку в то время – «20 копеек

198

ассигнациями» [11, с. 56]. А «Гробовщик дает ему гривенник на водку», то есть вдвое меньше цены. Как видим, и во сне гробовщик пытается сэкономить копейку.

Приведем другой пример, связанный с темой неравенства. Родители Марьи Гавриловны принимали *«бедного армейского прапорщика (XIV класс¹) хуже отставного заседателя»* [9, с.59]. Заседатель – должностное лицо, избранное от сословий в какое-либо учреждение. Л.В. Беловинский в качестве примера приводит отрывок из «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина: *«Служил я, теперича, в земском суде заседателем, триста рублей бумажками получал, семейством угнетен был, а не хуже людей жил»* [2, с. 216-217]. Поищем истоки угнетения заседателя со стороны семьи. В то время в связи с резким снижением курса бумажных денег и удорожанием товаров «Прилично содержать семью можно было лишь при доходах не меньше 6 000 рублей в год (в конце XVIII в. для этого было достаточно 3 000 рублей). Такому уровню жизни соответствовало жалование чиновника, занимавшего должность не ниже директора департамента министерства» [8]. А это были времена, когда уважение к личности человека зависело от его финансового положения. Однако из приведенного примера видно, что материальное положение определяло место человека не только в обществе, но и в собственной семье. Учитывая сказанное выше о жаловании чиновников того времени, можно с уверенностью сказать, что заседатели получали незначительное жалование. Если учесть, что родители принимали его даже хуже заседателя, тем более отставного, т.е. так и не дослужившегося до значительного чина, можно понять их отношение к Владимиру, тем более что они имели для этого «веский повод».

Выводы: Таким образом, мы пришли к **выводу**, что при анализе художественных текстов на занятиях по литературе на профильных факультетах в вузе особое место занимает социокультурный комментарий. В частности, он позволяет лучше пояснить тему социального неравенства, являющуюся одной из основных во всех «Повестях Белкина» А.С. Пушкина. Пушкин выбирает своих героев «из низов», отдавая им предпочтение. Именно в них он видит людей, способных на благородные поступки. Им противопоставляются представители высшего светского общества, которые зачастую пытаются извлечь выгоду из несчастья людей, стоящих ниже их на социальной лестнице. Права Н.Н. Петрунина, которая называет содержание повестей «нравственно-психологическим» [7, с.148]. Действительно, Пушкин, с невероятной точностью рисуя картины противоположных друг другу миров, тем самым подчеркивает разницу в психологии, в этических и нравственных принципах их представителей. В данной статье мы показали, что эта тема проявляется еще резче, если знать, о чем именно сигнализируют те детали текста, мимо которых современный читатель может легко пройти, так как их значение для него уже утрачено. Мы попытались восстановить значение некоторых деталей и показать, какую роль они играют в текстах повестей. Во всех повестях мы остановились подробно на чинах персонажей, упомянутых в тексте, для того, чтобы яснее представить себе, какое положение они занимают относительно друг друга. В этих случаях мы обратились к «Табели о рангах», введенной в России с 1722 года.

Социальное неравенство порождало в обществе атмосферу, которая была несносной для людей низшего класса. Оно могло стать причиной гибели многих персонажей, в то время как других снабжало многими преимуществами, поскольку в их представлении положение в обществе было волшебной палочкой, при помощи которой можно было достичь всего. В нашей статье мы проанализировали детали-подсказки, с помощью которых Пушкин говорит о месте человека на служебной лестнице, соответственно – в обществе и даже в семье.

Самые незначительные для современных читателей детали могут многое сообщить о принадлежности персонажей к той или иной социальной группе. В этом плане в первую очередь следует отметить средства передвижения персонажей, а именно количество лошадей, запрягаемых в них. Современный читатель, прочитав слова «тройка», «каresta в

¹ Примечание В.А. Адамян.

шесть лошадей», всего лишь представит количество лошадей. Однако мы показали, что за ним скрываются важнейшие «исторические реалии», ведь количество запряженных лошадей указывало на место человека в обществе. Мы постарались показать, насколько эта деталь является важной для адекватного понимания текста.

Нами были рассмотрены также предметы быта, одежда персонажей, которые содержат сведения об их владельцах, являясь показателем материального состояния.

Важным в произведениях является мотив «рублей и пятак», связанный с темой денег в повестях. Исследование было направлено на то, чтобы четче прояснить то материальное положение, которое было характерно для того или иного персонажа. Все рассмотренные нами примеры подтверждают наши выводы – необходимость снабжения художественного текста социокультурным комментарием при обучении литературе.

Список использованной литературы

1. Баршт К.А., О направлениях и пределах комментирования художественного текста // Вопросы литературы, 2009, N5. – с. 280-303.
2. Беловинский Л.В., Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа XVIII - начала XX в. – М.: ЭКСМО, 2007. – 784 с.
3. Белькинд В.С. Образ «маленького человека» у Пушкина и Достоевского (Самсон Вырин и Макар Девушкин) // Пушкинский сборник. Министерство просвещения РСФСР. Московский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова, кафедра литературы. Псков, 1968. – с. 140-147.
4. Берковский Н.Я., О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // Статьи о литературе М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – с. 242-356.
5. Бочаров С.Г., Поэтика Пушкина. Очерки. – М.: Наука, 1974. – 209с.
6. Лаврентьева Е.В. Культура застолья XIX века. Пушкинская пора. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. – 320с.
7. Петрунина Н.Н., Проза Пушкина (пути эволюции). – Л.: Наука Ленинградское отделение, 1987. – 340с.
8. Писарькова Л.Ф., Чиновник на службе в конце XVII – в середине XIX века // Отечественные записки, 2004, № 2. http://magazines.russ.ru/oz/2004/2/2004_2_32.html
9. Пушкин А.С., Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Вагриус, 2006, т. 6.
10. Тер-Минасова С.Г., Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
11. Федосюк Ю.М., Что непонятно у классиков или энциклопедия русского быта XIX века. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 272 с.
12. Хализев В.Е., Шешунова С.В., Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина». М.: Высшая школа, 1989. – 80с.

Получено: 09.10.2023

Received: 09.10.2023

Рассмотрено: 13.10.2023

Reviewed: 13.10.2023

Принято: 20.10.2023

Accepted: 20.10.2023

Journal "Education in the 21st Century", Vol1-10/2/, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non Commercial 4.0 International License